

Из книги "Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе". Письма в Красную Армию 1939-1940".

И познаете истину, и истина сделает вас свободными. Евангелие от Иоанна (8.32)

Книга русского эмигранта, эсера, журналиста и писателя В.М.Зензинова, который 28 января 1940 года приехал в Финляндию из Парижа для сбора информации о Советской России путем общения с военнопленными. *(орфография оригинала)*

ГЛАВА II ПОЕЗДКА НА ФРОНТ

Когда я ехал в Финляндию, у меня отнюдь не было намерения превращаться в профессионального «военного корреспондента». Меня интересовала не война, а Россия.

Ездить на фронт, как это делало большинство иностранных корреспондентов, описывать

бомбардировки, налеты аэропланов, перестрелки, разрушение городов, рассказывать об убитых и раненых - все это не входило в мои задачи. И потому за те полтора месяца, что я провел в Гельсинки. в течение военных действий, я не воспользовался теми возможностями поездок на фронт, которые у меня, наравне со всеми

другими журналистами были — я не поехал ни на северный фронт (Рованиеми), куда особенно охотно ездили журналисты (Лапландия так живописна — особенно зимой), ни на ладожский фронт, ни даже в осажденный уже Выборг. Я ограничился тем, что слушал

живые рассказы возвращавшихся с этих фронтов журналистов. Мои задачи — говорил я сам

себе - другие, и я все еще не терял надежды добраться до военнопленных. И только побывав в конце концов, сам на фронте, понял, какую ошибку сделал, упустив представлявшиеся мне возможности. Я побывал на фронте только один раз, накануне заключения мира, когда между воюющими сторонами уже начались переговоры

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(а) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

чего я, конечно, как и остальные, тогда не знал. И побывал в одном из самых интересных пунктов фронта, на Ладожском озере.

Это было 6 марта (1940 г.). Собрали нас совсем по военному — желающим было предложено

поехать в Сортавала (прежний русский Сердоболь) на Ладожском озере, где неподалеку были

недавно сильные бои. Мне сообщили об этом в 4 часа, а в 9.30 вечера все желающие поехать должны были собраться в обычном месте - в бюро прессы отеля Кемп, на Эспланаде.

Нас оказалось всего девять человек — восемь журналистов и фотографов и гид, красивый и

бравый молодой офицер с наганом у пояса. Спутники мои были всех национальностей: итальянец, американец (русско-еврейского происхождения, умевший ругаться по русски, чем

и ограничивались все его познания по русскому языку), два английских журналиста (от «Дэйли Телеграф» и «Дэйли Экспресс»), датский журналист, журналист из Южной Африки и

еще один, национальности которого я так и не установил, но который говорил - и по большей части молчал — по английски. В Сортавалу, как мне сказали, журналисты ездили

несколько дней тому назад, но с дороги должны были вернуться, так как поезд их был обстрелян с самолетов.

Мы уверенно шли к вокзалу по совершенно темным улицам Гельсинки, таким уже знакомым,

лавируя между обледенелыми сугробами снега и осторожно переходя через скользкую после гололедицы мостовую. Компания была веселая, молодая — кто-то затянул

американскую песню, другие подтянули: когда в пестрой интернациональной компании оказываются англосаксы, доминирующим языком становится английский. На вокзале я

увидел у двоих из наших спутников металлические шлемы, прикрепленные к дорожным мешкам. И когда одного из них, маленького жизнерадостного брюнета (того самого,

который умел ругаться по русски), спросил в шутку, не собрался ли он воевать, он мне серьезным тоном ответил: «никогда не мешает быть осторожным мы, фотографы,

всегда впереди» Оказывается, среди журналистов были и камерамэны Итальянец оказался представителем знаменитой американской кино фирмы «Фокс» («военная

хроника»), получавший, как он мне потом сам рассказывал, 500 долларов в месяц с оплатой всех расходов, а американец был представителем «Парамаунта», тоже

делавший для

своей фирмы военную хронику. Оба работали во время гражданской войны в Испании (на

разных фронтах), а недавно побывали и на французско-немецком фронте. В их багаже я

заметил большие, тяжелые пакеты — как будто, завернутое в кожу железо — и массивные

треножки.

Несмотря на абсолютную темноту, мы скоро разобрались в своих местах — у каждого из нас

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(a) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

оказалось нумерованное спальное место второго класса с приготовленной уже постелью. Как

будто мы и не на войне! Ночью мы останавливались, то ускоряли ход, то замедляли, подолгу где-то стояли. Так, бывало, приходилось ездить по России: поезд стоит ночью, паровоз свистит, а ты спишь себе беззаботно... Утром мы долго стояли у станционного здания. У самой платформы — высокие раскидистые березы. Примыкающее к

железнодорожному пути большое здание разрушено — вверх торчат лишь дымовые трубы и сохранился черный от

копоти кирпичный фундамент; очевидно, здание было не только разрушено, но вдобавок еще

и сгорело до самого основания. Это было Миккеле. Я посмотрел на карту. Чтобы попасть на восток, мы сильно взяли на север Пиексямяки, куда лежал наш путь, был еще

дальше на север: чтобы попасть в Сортавала, приходилось делать большой крюк, путь на

Выборг был закрыт. На Пиексямяки вокзала также не было — сожжен. Но на его месте уже

строили новый, и каркас из свежего соснового, приятно пахнувшего дерева был уже воздвигнут. Заметно бросалось в глаза, что здесь людей в белых балахонах было гораздо

больше, чем в Гельсинки.

Отсюда мы ехали товарным поездом и ехали очень медленно. В поезде было только два классных вагона (третьего класса), большей частью с солдатами, возвращавшимися из отпуска на фронт. Вдруг будто какое-то дуновение прошло по вагону. Все встали, все стали всматриваться в небо с правой стороны поезда. Один из журналистов протянул

руку к своему белому балахону и, неуверенно оглядываясь по сторонам, стал натягивать его на

плечи. Высоко в небе появился аэроплан. Обстреляет или не обстреляет наш поезд?

Минут

десять длилось напряженное ожидание. Потом все успокоились, все вошло в колею.

Поезд по

прежнему медленно катился дальше, не замедлив ни на минуту своего хода. Один из наших

вагонов уже имел многочисленные следы от мелких осколков шрапнели, прибывших насквозь

стенки вагона. Журналисты выковыривали их ножами.

Из Пиексямяки мы выехали в 1 час дня. в Савонлинна (он же Нейшлот) - немногим больше

ста километров! - прибыли в 7.30 вечера,

Всей гурьбой отправились через город в ресторан-гостиницу, где сейчас же заказали ужин. Готовили нам его целых полтора часа. От нечего делать играли на бильярде — большом русском бильярде с лузами. Наконец, нас пригласили в соседнюю комнату, где

длинный стол, покрытый белой скатертью, был заставлен закусками. Подавала нам за

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(a) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

столом

молодая девушка с остановившейся улыбкой. Я обратил на нее внимание лицо ее как будто

застыло. Во время еды мы узнали и передали друг другу шопотом, что сегодня убили на фронте ее брата и она только что сейчас об этом узнала. Веселье за столом на мгновенье

затихло - водворилось молчание. Девушка продолжала любезно разносить блюда.

Какая

выдержка у этого народа.

В 11.30 вечера на двух автомобилях выехали в Сортавалу — днем здесь ездить опасно: советские самолеты преследуют на дороге не только автомобили, но и отдельных путников.

Это было очень утомительное путешествие. Было очень холодно. От постоянных толчков наш

итальянец захворал морской болезнью — это, оказывается, на зимней дороге тут случается

часто. Шофер второго автомобиля оказался не на высоте — заехал на повороте в сугроб и

завяз в нем. Не меньше часа возились мы в глубоком снегу, чтобы вытащить машину на узкую накатанную дорогу — удалось это сделать лишь дружными усилиями всех десяти человек и другого автомобиля. В дороге нас несколько раз останавливали красными карманными фонариками военные заставы и проверяли наш пропуск. Близ Савоилинна пересекли узким перешейком Сайменское озеро.

Только около 7 часов утра, когда уже рассвело, добрались до Сортавалы, маленького городишки, живописно разбросанного по холмистой местности на берегу Ладожского озера. О

нем писали, что он почти весь разрушен воздушными бомбардировками. Нам это не было видно, потому что вес было покрыто толстым покровом снега. На место мы прибыли в 8 часов утра, 8 марта.

Это была прекрасная загородная вилла приспособленная и для зимней жизни в ней было

центральное отопление и электрическое освещение. Она принадлежала известному инженеру-химику из Гельсинки, а сейчас служила целям военного туризма — сюда приезжали

иностранные корреспонденты. Не удивлюсь, если она в свое время была выстроена кем-нибудь русским. Во всяком случае она была предназначена для какой-то широкой жизни. В ней было два этажа и восемь комнат. Огромная кухня, отделанная внутри деревом (вся вилла каменная), большая столовая и очень большая застекленная терраса

с длинным столом и мягкими креслами и с широким видом на Ладожское озеро. На вилле

постоянно жил комендант и четыре лотты, которые вели все хозяйство, т. е. стряпали, подавали и убрали комнаты. Находится эта вилла в 17 километрах, от Сортавалы, между

Сортавалой и Импилахти, на самом берегу озера, вдоль которого проходит дорога; называется это место Кирьявалинна. В Питкяранта — тоже на берегу озера, по прямой

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(a) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

линии километров 40 от нас — стоят русские войска. По озеру раскинуты лесистые острова.

Пейзаж напоминает Швейцарию зимой. От русской границы считают 75 километров, фронт

проходит отсюда в 30-40 километрах. Это уже Карелия, огромное большинство населения —

православные; пьют не кофе, а чай. Когда я рассматривал альбом с видами Ладожского озера, оказавшийся в моей комнате, нашел в нем совсем русские северные пейзажи — русские деревни, русские рубленые избы, русские резные деревянные наличники у окон,

русские церкви, кладбищенские деревянные кресты, русских бородатых рыбаков и русских

баб в платках. Это была Карелия и карелы.

Советские аэропланы навещают это место каждый день. Нас просили не выходить днем из

виллы — если увидят около дома движение, может прилететь аэроплан и обстрелять дом из

пулемета. Днем виллу не топят, чтобы дымом не выдать, что она обитаема. Вилла носит следы бомбардировки в одной комнате пробита в потолке дыра неразорванной маленькой

бомбой, часть стекол в доме выбита.

Летом ежедневно из Сортавалы ходят пароходы в Валаам — 40-45 километров. Монахи из

Валаама эвакуированы в центральную Финляндию — некоторые из них, говорили, выразили

желание взяться за оружие — очевидно, из тех, кто еще не принял пострига.

В 9 часов утра легли спать, в 3 часа назначен обед, а ночью едем на фронт.

6 часов вечера. Всей компанией — все восемь — собрались около радио и слушаем последние

новости из Лондона. Живописная картина: молодой красивый англичанин из «Дэйли Экспресс»

— он провел целый год в Испании, в интернациональной бригаде, где был не журналистом, а

солдатом — развалился на кровати с блокнотом в руках; рядом со мной, на высоком деревянном ящике, свесив ноги в одних чулках, сидит корреспондент "Дэйли Телеграф" (родом из Южной Африки, но живущий постоянно — кроме тех очень частых случаев, когда

находится в газетной командировке — в Лондоне). Он небрежно, но вместе с тем и очень

отчетливо стенографически вписывает в тетрадь военные сообщения (позднее я читал его

корреспонденции из Финляндии в «Дэйли Телеграф» они были превосходны). Датчанин тоже

делал какие-то отметки в блокноте. Представитель «Дэйли Мэйль». высокий англичанин с

низкие басом, которому итальянец только что читал лекцию о том, как приготавлиются

макароны и спагетти в Болонье (откуда он родом), в Милане и в Неаполе, поворачивал кнопку аппарата и подсказывал, когда кто-нибудь чего не расслышал. Американские камерамэн'ы слушали радио с подчеркнутым пренебрежением. Вообще, между ними и журналистами чувствовалась некоторая не то что рознь — все необычайно быстро подружились и называли друг друга по именам, а какая-то разница или различие в интересах: камера мэн'ы не упускали случая пожаловаться, что с журналистами трудно работать вместе («не дают задержаться хоть немного на месте»), а журналисты упрекали

фотографов, что из на них приходится много терять времени совершенно даром...

Сообщение радио о том, что Соединенные Штаты в конфликте большевиков с Финляндией соблюдают но прежнему нейтралитет и «Не дадут вовлечь себя в войну», было

встречено дружным взрывом саркастического хохота, причем всего громче и всего язвительнее смеялись американцы.

Интересна была вся эта обстановка — стены из толстых сосновых бревен (ими была облицована изнутри кухня, в которой мы сейчас находились), пол из тяжелых и широких досок, электрическая лампочка, освещавшая в большой полутемной кухне только наш угол и две кровати, на которых мы всей гурьбой расположились, и висящие на стене берданки (тут жили несколько прикомандированных к дому солдат), вся эта пестрая и веселая молодая компания, собравшаяся вокруг радио, готовая по всякому поводу разразиться смехом и криками, из молодых, но, по-видимому, квалифицированных журналистов и побывавших всюду камера-мэн'ов — все было очень живописно.

Обстановка

кухни, в другом углу которой хлопотали лотты, собирая нам ужин, напоминала фильм из жизни трапперов снежной Канады. В сумерки вышел пройтись. Какой воздух! Тишина и белизна. Кругом березы и сосны. Аллеей из маленьких берез спустился на лед Ладожского озера. Из нашего домика поднимается к небу прямым столбом легкий дымок.

Возле берега из снега торчат стеной желтые кисти густых зарослей тростника. Большая

лодка вмерзла в лед около пристани, ступеньки которой спускаются прямо в воду — сейчас

в сугробы снега. Берег уходит назад, и наш домик постепенно терялся среди соснового леса. Мне казалось, что я на week-end приехал к богатому американцу, выстроившему в окрестностях Чикаго на Мичигане виллу и пригласившему к себе в гости десяток иностранцев со всех концов света...

И здесь происходит война? Об этом упорно весь день напоминали глухие пушечные удары,

слабо доносившиеся издали. Откуда? Из Выборга или из Питкьяранты?...

Офицер предупредил, что на фронт мы отправимся только в 3 часа ночи. Более благоразумные сейчас же после ужина легли спать, менее благоразумные — играли весь день

в лото, в карты и рассматривали скоро всем надоевшие старые шведские иллюстрированные

журналы. Ночью в 2 часа нас подняли. Перед дорогой еще раз плотно закусили за общим

столом, потом стали собираться в экспедицию — все напялили на себя снежные балахоны.

Наши камера-мэн'ы — даже в металлических касках. «Как, - обратился ко мне наш лейтенант, - Вы поехали на фронт и не взяли с собой белого балахона?» Он отдал приказание ближайшему солдату. Тот вытянулся, отдал честь лейтенанту, кстати — и мне,

и подал мне свой полотняный халат. Правда, солдат был несколько коротконог - и, вероятно, вид у меня в халате был благодаря этому непрезентабельный...

Мы разместились в двух автомобилях. Черная тьма кругом. Куда мы ехали и что было вокруг

нас, не имели ни малейшего понятия. Часто нас останавливали заставы; сначала наш лейтенант выходил каждый раз из автомобиля и что-то объяснял. потом дело ограничилось

тем, что он лишь говорил пароль. В автомобиле было холодно и тесно. На выбоинах и в ложбинах его сильно встряхивало, но мы продолжали быстро продвигаться дальше.

Ехали

часа два, может быть больше. Как потом оказалось, ехали мы кружным путем, в сторону от

Ладожского озера, потому что дорогу, которая идет по берегу озера и которая была для нас самой короткой, бомбят советские самолеты — она считается очень опасной.

Начинало светать.

— Взгляните налево — можете опустить окно! — сказал лейтенант. В довольно густом, но

мелкорослом лесу начали показываться привидения — засыпанные снегом танки. Вот несколько танков совсем около дороги, другие — как будто застряли между деревьями. Все они исковерканы, разворочены, некоторые походят на кучи старого железного лома. То была одна из частей 34-го Танкового Дивизиона, разгромленного финнами в ночь с 28 на 29 февраля и утром 29-го. Мы приближались к территории, на которой он восемь дней тому назад был полностью уничтожен.

Здесь, а еще больше на обратном пути, который мы сделали уже при ярком солнечном освещении, мы могли наглядно видеть ту тактику финнов, которую они применяли в течение

всей войны и которую они образно называли «резкой колбасы»: на узкой дороге, среди сугробов, они разрезали бригаду или даже дивизию на части и били каждую часть, каждый

такой отрезанный кусок, отдельно.

Встречавшиеся нам разбитые танки были сгруппированы вместе через довольно большие

промежутки — иногда в несколько километров. Здесь было ликвидировано, как нам сказали.

54 танка, а всего в этом бою было уничтожено и захвачено 106 танков. Бой этот — вернее,

истребление — продолжался всего лишь одну ночь и утро. Издали эти танки казались допотопными чудовищами, заблудившимися в лесу и здесь замершими, застывшими, замерзшими... Несколько раз мы выходили из автомобилей, подходили к танкам вплотную,

рассматривали их. Нам показали наиболее ранимые части танка, которые финны удачно поджигали бутылками с бензином и керосином. Смазанные маслом железные передачи («гусеницы») вспыхивают, огонь переходит на резервуары, танк загорается и в нем заживо сгорают танкисты... Не на своем ли собственном опыте научилась через два

года Красная Армия так удачно отражать атаки немецких танков?

Вот наши автомобили снова остановились, и лейтенант провел нас по протоптанной в снегу

тропинке в сторону. Мы подошли к большой и глубокой яме, на дне которой лежали два трупа. Сначала я подумал, что то была могила. Но, всмотревшись, убедился, что это была

землянка. Из объяснений сопровождавшего нас офицера мы узнали, что один из этих трупов

был сам комбриг Кондратьев, командир погибшего здесь 34-го Танкового Дивизиона. Он лежал на дне этой ямы-землянки в странной и страшной позе лицом вниз, с вывернутой и поднятой вверх рукой, как будто о чем то умолявшей или взывавшей к небу к нам, вверх, протянуты были его пальцы, как бы сделанные из воска. Другой труп лежал тут же сбоку, согнутый и полузанесенный снегом. Мы долго молча стояли у могилы-землянки.

Недалеко от этого места, немного в стороне от проезжей дороги, стоял танк — в отверстии

видны были согнутые колени и ноги, самое тело оставалось внутри танка: танкист погиб —

вероятнее всего сгорел — в своем танке. Такие трупы, объяснили нам, разрубают на части

и вынимают из танка кусками...

Трупы теперь встречались на каждом шагу. Все они были в таком положении, будто смерть

застала их неожиданно, молниеносно. Невозможно было вообразить, что когда то все это

были живые люди — как будто они сделаны были из папье-маше или из воска; мы шли в каком

то страшном паноптикуме. Некоторые были босы, у других — одна нога в валенке, другая — босая... Лица молодые, некоторые были странно спокойны, другие застыли в страшной гримасе. Снег запорошил их давно небритые лица, некоторые были совсем занесены снегом и как бы прикрыты снежным саваном, у других лица были только припудрены. Позы все были странные, неестественные. Один из них был в сидячем положении. На многих видна была кровь, но не черная, как это бывает у убитых через несколько дней после смерти, а алая или темно-алая, как застывший и засохший сурик.

Эти

красные пятна резко выделялись на снежном поле и видны были далеко. Попадались и такие,

которые, очевидно, были ранены еще в предыдущих боях — с белыми повязками на головах, с

забинтованными руками. Видел одного, у которого прямо во лбу была зияющая дыра почти с

кулак величиной — ну. этот, по крайней мере, не мучался...

Я долго вглядывался в эти лица, но ничего не мог прочитать в их страшной неподвижности.

По два-три трупа лежали около тут же стоявших разбитых танков. Их лица и руки были совершенно черны и лоснились от копоти. Один из корреспондентов наивно даже воскликнул:

«негры!» Но то были вовсе не негры, а танкисты, большинство которых сгорели заживо. Трупы встречались всюду — по одному, по два, целыми группами; были места, где они лежали кучами, один на другом — в самых страшных и непонятных позах.

Мы шли теперь по самому полю битвы — вернее было бы сказать, по полю истребления. Как я

позднее узнал из объяснений. 34-ый Танковый Дивизион находился здесь уже около месяца,

окопавшись от окруживших его со всех сторон финнов, отрезавших его от других частей Красной Армии. За это время он успел устроить себе землянки. Мы видели окопы, направленные в разные стороны в том числе и против русской границы, видели и эти землянки, И те и другие, по словам сопровождавших нас финнов-военных, сделаны были

очень плохо. Не могу судить об окопах, что же касается землянок, то они. в самом деле, поражали своей какой-то первобытностью. Это были просто ямы. прикрытые сверху молодыми

елями и еловыми ветвями. В диаметре эти ямы имели 5-6 метров. В некоторых из них было

какое-то подобие нар из земли. Мы видели землянки, в которых было раскинуто по несколько трупов — некоторые из них лежали головою вниз и ногами вверх по стенкам этой

ямы, как бы звездами. Нетрудно было восстановить то, что здесь произошло.

Ликвидация

34-го Дивизиона была произведена в ночь с 28 на 29 февраля и 29-го февраля утром.

Возможно, что ночью они были захвачены врасплох, и нападавшие бросали внутрь землянок,

в спящих, ручные гранаты. На это указывали и босые ноги некоторых трупов.

Трудно и даже просто невозможно описать во всех подробностях поле битвы. Землянки,

окопы в разных направлениях, в стороне разбросаны танки, разбитые грузовые автомобили

Расщепленные снарядами и поваленные деревья. Каски, штыки, расщепленные пулями винтовки, обоймы, патроны, патронные сумки, какие-то жестянки, вывернутые чемоданы с

бумагами. Несколько сломанных пишущих машин, даже две швейные машины, разбитая походная

аптечка, две разбитых гармошки... Два небольших боченка, один из них открыт и наполовину опорожнен — в нем мелкая смерзшаяся рыба вроде копчушки или килек Мне

объяснили, что отрезанный и окруженный со всех сторон Дивизион сильно голодал, и ему

сбрасывали продовольствие на парашютах — большею частью все это попадало в расположение финских частей. Тут же валялся разбитый ящик чая. Но что всего больше поражало, это обилие всякого рода бумаги — печатной и писаной. Эту особенность современного поля битвы отмечают, между прочим, все корреспонденты и на других фронтах. Вряд ли какая другая армия оставляла на полях сражений столько печатного и писаного материала, как Красная Армия. Ученические тетради, из очень плохой бумаги, с напечатанной на задней обложке таблицей умножения, всюду были рассыпаны по снегу. Снег усеян листками бумаги, обрывками газет и книгами. Книг — великое множество! И по странной случайности первая подобранная мною книга была томиком Гаршина, с рассказом «Четыре дня» — этим страстным, рвущимся из души и из глубины израненного

сердца протестом против войны... На груди одного из трупов я увидел две толстые книги, полузанесенные снегом — их, очевидно, положил уже на труп какой-нибудь финский солдат.

То были — Мамин-Сибиряк и «Домби и сын» Диккенса.

В разбитом автомобиле-камионе я нашел целую кучу книг — то была, очевидно, походная библиотека Дивизиона. Около этих книг я подобрал тетрадь в клеточку, на которой имелась следующая надпись: «Опись книг походной библиотеки 64-го Противотанкового Дивизиона. Записано 16-го октября 1939 года в дер. Заячья Сельга».

Тетрадь эта и в настоящее время находится у меня. В каталоге значилось 109 книг художественной литературы, в том числе Лермонтов, Пушкин, Толстой, Шевченко, Золя, Короленко, Успенский, Горький, Маяковский, Н.Островский, Вс. Иванов и современные советские писатели. Имелось 135 книг исторического и социально-экономического содержания, в том числе четыре экземпляра "Истории СССР" Шестакова, 17 экземпляров

«Истории ВКП(б)», полное собрание сочинений Ленина и Сталина, книга Клаузевица.

Между

прочим в «Истории ВКП(б)» портрет маршала Блюхера был несколько раз перечеркнут красным карандашом, его имя было зачеркнуто и в тексте; а изображение расстрелянного

маршала Егорова было даже крепко заклеено белой бумагой. Много валялось повсюду технических и военных книг - «Устав внутренней военной службы РККА». «Полевой устав пехоты РККА», «Строевой устав пехоты РККА», «Наставление по стрелковому делу

РККА» и огромная еще неразвязанная связка книг — «Наставление к лыжному спорту»...

Сопровождавший меня видимо, по собственному желанию - молодой финский солдат, хорошо говоривший по-немецки и признавшийся, что он начал изучать русский язык (он походил больше на студента, чем на солдата — быть может, он и был студентом), давал

мне

об'яснения. По его словам, окруженный со всех сторон Дивизион оказал отчаянное сопротивление сдаться он отказался. Убито здесь было всего 2.050 человек, в плен сдались только 58 человек; затем в течение двух дней из леса приходили обмороженные.

Всего из Дивизиона уцелело не больше ста человек. «Многие. - рассказывал он. поднимали руки, но находившиеся рядом с ними отстреливались до последнего момента,

поэтому приходилось уничтожать всех. В Дивизионе оказалось около тридцати женщин,

все они были в мужской одежде и дрались, как львицы - еще храбрее мужчин — и отстреливались кто из револьверов, кто из винтовок. Все они тоже были убиты. Это были

либо сестры милосердия, либо фельдшерицы. Их пол был установлен уже на трупах».

Я вспомнил о них, когда, через два года, смотрел в Нью-Йорке советский фильм

«Девушка

из Ленинграда". Не этот ли героический эпизод из финско-советской войны был изображен и

этом трогательном советском фильме?...

В то время как мои спутники — журналисты и камера-мэн'ы - собирали на память каски, штыки и медные гильзы от боевых снарядов, я подбирал тетради, письма, различные документы... Подбирал, пока ко мне не подошел сопровождавший нашу группу финский офицер. — «Весьма сожалею, - сказал он по английски, — но мы имеем распоряжение:

с поля сражения нельзя уносить ни одного писаного листка. Книг берите, сколько угодно,- и он сделал широкий жест рукой. Набранную уже охапку бумаг пришлось, скрепя сердце, положить на землю. Впрочем, я должен признаться: когда офицер отошел в

сторону, я, внимательно следя за ним, старался подобрать всякий лоскуток бумаги, который мне казался интересным, каждое письмо, каждый конверт. Я совал все это вместе

со снегом впопыхах в карманы, за пазуху, оборвал едва ли не все пуговицы у своего пальто и кое-что мне удалось унести... *A la guerre comme a la guerre.* Мне удалось подобрать 11 писем и одну записную книжку.

Среди этих подобранных мною писем — возле сидения автомобиля — было одно письмо,

написанное, в отличие от остальных, хорошим почерком (я бы сказал, типичным почерком

русскою интеллигента). Оно адресовано «Милому и дорогому Дмитрию Павловичу».

«Всем сердцем я с Вами, все разговоры наши склоняются к Вам, в Финляндию, и главным

образом все обращенно к Вам... Последние дни у нас очень морозные. Не так силен мороз, как ветер ужасный. Каково же Вам? да еще в военных условиях? Да, собственно, и

условий то нет у Вас ни каких, скорее всего у Вас — все условно — Все, что Вам встречается на пути — одно воспоминание (был дом, был сарай и т. д.). Да и надеяться то

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(a) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

на что-нибудь подходящее в смысле дома с крышей очень трудно, т. к. все сжигают эти проклятые белофинны. Так и хочется полететь и сверху их так расплосовать, чтоб Вам была очищена дорога. Да и дорог то нет. Лес и болота. По карте не могу узнать где же

в этой ужасной стране начинается дорога? Скоро ли Вы выберетесь из глуши лесов и болот?

Неужели ни одного паршивенького домика нет для лазарета? Или, вернее для Вашего отряда?... Вчера от нас мобилизовали двенадцать сестер... Желая Вам здоровья и

благополучия во всем». Адресат, по-видимому. доктор — как и отправитель; можно думать, что оно прислано из Ленинграда. Судьба Дмитрия Павловича не вызывает сомнений.

Не менее трагической показалась мне и другая находка: возле одного трупа я нашел "Выигрышный лотерейный билет", стоимостью в сто рублей.

Все брали с собой с поля битвы что-нибудь себе на память - я взял томик Пушкина и русский штык.

Мы пробыли на поле битвы — оно расположено близ селения Леметти — около двух часов.

Офицер нас торопил. Почему? Конечно, некоторая опасность существовала - все время вдали

бухали орудийные выстрелы, временами трещали пулеметные очереди, слышны были также

отдельные винтовочные выстрелы. Над нами летали советские аэропланы — по мнению компетентных людей, на высоте 800 метров. Но нас не трогали. На автомобилях мы продвинулись еще немного ближе к фронту — теперь мы были от линии огня не дальше чем в

пяти километрах. Казалось, что отдельные выстрелы из винтовок были совсем близко.

Между

деревьями здесь были расположены замаскированные сверху еловыми ветвями палатки из

толстого картона. Они были очень комфортабельно устроены — с железной печкой типа

«буржуйки», со столом, за которым нас угостили кофе со сливками (!) и с сэндвичами.

Принимал здесь нашу группу финский молодой доктор, хорошо говоривший по немецки.

Какой

контраст с только что виденными нами разгромленными русскими землянками!... Но смерть

была и здесь. Рядом с палаткой, в которой нас доктор угощал кофе, лежал на носилках труп молодого финского солдата. Он был убит этой ночью, т. е. в то самое время, когда мы ехали сюда на автомобилях.

Назад мы возвращались той же дорогой, но она была для нас новой, потому что теперь мы

ехали при ярком солнечном освещении. Несколько раз останавливались и, по приказанию

офицера, прятались под деревьями — над нами пролетело несколько отрядов советских

Поездка в Леметти 6 марта 1940 года.

Добавил(а) Administrator

09.04.12 11:40 - Последнее обновление 09.04.12 11:41

бомбардировщиков. Я попробовал было сфотографировать нашу группу, притаившуюся под

большой елью - это была очень живописная картина, но офицер резко меня окрикнул и не

позволил отойти от дерева. Наш офицер теперь очень нервничал. Но бомбардировщики нас не заметили — бомбы были ими сброшены немного в стороне. Мы слышали глухие разрывы и почти одновременно с этим — отчетливые и короткие удары зенитных орудий. Лишь

значительно позднее я случайно узнал, почему так нервничал ниш офицер.

Оказывается, как

раз в то самое время, когда наша группа была на фронте, Красная Армия неожиданно начала

в этом месте обходное движение — и мы могли бы быть отрезаны. Если бы это случилось,

настоящей книги не существовало бы.

Окрестности Ладожского озера, где мы теперь ехали, славятся своей красотой.

Ослепительное солнце освещало белый снежный пейзаж, засыпанные снегом перелески

березовых рощ; вдали виднелся темный хвойный лес. Дорога то поднималась, то опускалась

по холмам, как бы лавировала среди них. Кое где видны были крестьянские домики — но они

были теперь пусты, некоторые из них разрушены и сожжены, видны следы бомб и обстрела.

Здесь прошла война. Но некоторые из этих домиков были, по-видимому, заняты — из труб

вился легкий, еле заметный дымок, на террасу одного из них вышел солдат. Может быть,

военный пост, штаб-квартира ?...

Кругом был такой мир, такая тишина и такая красота! Скоро пейзаж стал еще красивее - с

левой стороны временами открывался снежный простор Ладожского озера. Берег здесь

значительно выше самого озера. Там, за этим белым озерным простором, была уже Россия.

Все только что виденное — эти горы трупов, исковерканные человеческие тела, алая кровь

на снегу — казалось сейчас страшным сном. Но этого сна никогда в жизни не забудешь.